

Алия Каиргельдыевна Жапарова

Омский автобронетанковый инженерный институт, кандидат философских наук, доцент кафедры военно-политической работы в войсках (силах), Омск, Россия
e-mail: alfil82@mail.ru

Метафоры тела в философии Жана-Люка Нанси: тело страдающее

Аннотация. В статье рассматривается идея Жана-Люка Нанси о теле, в частности его тезис о том, что у нас нет тела, а также о субъекте как теле, вывернутом наизнанку, как внешнем и бесконечном воздействии. Цель статьи — рассмотрение онтологического и эпистемологического статуса тела, медицинских практик, связанных с переживаниями и ограничениями в процессе трансплантации. Нанси показывает, что в ходе телесных метаморфоз не только формируются новые формы субъективности, но и обретается «новая плоть». Таким образом, на границах между естественным и искусственным возникает возможность думать о раздробленном теле как о том, что Делёз и Гваттари называли «телом без органов».

Ключевые слова: тело, плоть, болезнь, орган, трансплантация, различие, письмо, инаковость, смерть.

Aliya K. Zhaparova

Omsk Tank-Automotive Engineering Institute, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Military and Political Work in the Armed Troops (Forces), Omsk, Russia
e-mail: alfil82@mail.ru

Metaphors of the Body in the Philosophy of Jean-Luc Nancy: The Suffering Body

Abstract. This article examines the idea of Jean-Luc Nancy about the body, in particular his thesis that we do not have a body, as well as about the subject as a body turned inside out, as an external and infinite influence. The purpose of the article is to consider the ontological and epistemological status of the body, medical practices related to experiences and limitations in the process of transplantation. Nancy “shows” that in the course of bodily metamorphoses, not only new forms of subjectivity are formed, but also “new flesh” is found. Thus, at the boundaries between the natural and the artificial, it becomes possible to think of a fragmented body as what Deleuze and Guattari called “the body without organs”.

Keywords: body, flesh, disease, organ, transplantation, distinguishing, writing, otherness, death.

Введение (Introduction)

Реальность современных будней такова, что изменяются критерии и регистры, с помощью которых мы осознаём и понимаем себя как авторов собственной жизни и равноправных членов общества. Так, например, факт предопределённости генома может воспрепятствовать самоопределению, и, как следствие, возникает фундаментальная асимметрия межличностных отношений. Ставится под сомнение способность человека рассматривать самого себя как ответственного режиссера собственной жизни, а также уважать других как равных себе. Кроме того, свобода явно и жестко ограничивается. Человек оказывается не только несвободен в плане собственной «инструментализации» ради целей общего, но и лишённым ответственности за свою судьбу, поскольку не он её определял изначально [1, с. 54].

Таким образом, в пространстве биотехнологической граница между телом и плотью, естественным и искус-

ственным сильно размывается. Современные тенденции развития биотехнологий подрывают образ «Я», нашу самость, созданные нами о себе как о видовом существе в пользу «Мы», где существо «Я» реализуется посредством бесконечного воздействия и «касания». Для презентации данного сдвига необходим новый дискурс, или, скорее, контрдискурс. В этом смысле творческие искания Жана-Люка Нанси репрезентативны и представляют собой образец контрдискурса о философии тела.

Методы (Methods)

Методологическую основу исследования составили герменевтический и феноменологический методы. Герменевтический метод позволил описать опыт размышления о теле раздробленном, где открывается множественность предъятий в показе, ставя наблюдателя в позицию индифферентного отношения к онтологическим различиям и мышлению на пределе.

В рамках феноменологического подхода был проанализирован экстремальный телесный опыт сознательного переживания, внимательного ко множественным сингулярностям, которые нас окружают, когда деление на «высокое» и «низкое» перестает иметь какой-либо смысл, где фрагментация, прерывание становятся важными характеристиками описания.

Литературный обзор (Literature Review)

В своей работе «Корпус», опубликованной во Франции в 1992 г., Жан-Люк Нанси разрабатывает собственную философию тела, в которой он стремится устранить дистанцию между письмом и субъектом, который его пишет, разрабатывая с этой целью собственные неологизмы «новой онтологии», онтологии тела в данном случае. Тело для Жана-Люка Нанси — это сбита с толку определенность, разорванная на части, в котором катастрофическое, трагическое предстает как наше обнаженное страдание. «Так, тело страдающее обладает своей долей ясности, равной любой другой, притом вполне отчетливой. Граница боли дает усиленную очевидность, когда, отнюдь не становясь “объектом”, страдающее тело со всей непреложностью выказывает себя как “субъект”» [2, с. 77].

В изображениях тела XX в. подобный взгляд на «страдающую» органику тела был представлен в работах Джорджа Батая, Антонена Арто, Ханса Беллмера и в его вызывающих ужас куклах [3]. К более поздним работам в этом направлении можно отнести творчество Эгона Шиле, Гюнтера Бруса в духе акционизма [4] и т. д. В этих крайних формах представлений о телесности можно разглядеть попытку противопоставить себя создаваемому средствами массовой информации архетипу идеала здорового и молодого тела, нарциссического тела, и оправдать другую сторону тела, подверженную временности и разложению, боли и в конечном итоге смерти. С тех пор как Роден положил начало «мучительному» способу изображения тела в своей работе 1864 г. «Человек со сломанным носом», в которой впервые исчезает опыт репрезентации тела как целого, появляются фрагментированные изображения тела, изображения отдельных органов (в основном половых), которые впоследствии Делёз и Гваттари назовут «машинами желаний». Процесс разложения и фрагментации тела станет предметом интереса у таких авторов, как Брюс Науман, Синди Шерман и Роберт Гобер, что повлияло на идею фрагментарного тела, подверженного бренности и дряхлости. Само наличие органа создает желание, влечение, которое нельзя утолить. Концепт «тело без органов» указывает на тело само по себе, свободное от влечений. Конечно, никакого реального воплощения тела без органов нет, но отдельные манипуляции с органами могут создавать новую «плоть».

В своей работе Нанси исследует именно такое тело, его морфологию и организацию, отстраняясь от образов и дискурса организма, из которых оно обычно объяснялось. Он представляет некий контрдискурс в форме литературно-эпистемологической критики с тем, чтобы заставить тело говорить, вывести его из биотелеологического горизонта организма и доставить его к горизонту события, что, в свою

очередь, подразумевает отказ от мысли о теле, организованном на основе цели, отдельной от самой себя, независимо от того, превосходит ли она его или предшествует ему. Отсюда фундаментальное утверждение Нанси: «У нас нет тела, но мы являемся телом» [2, с. 118].

Результаты и обсуждение (Results and Discussion)

Появление новых биотехнологий не только формирует новые формы субъективности, но и — и это самое провокационное — «новую плоть». Тело перестало быть чем-то естественным. Имплантаты и трансплантаты разрастаются в результате насильственной перестройки человеческого тела, подвергающегося уже не только аускультации, но и гибридизации, фрагментации, опустошению.

Морфология и анатомия лежат в плоскости анализа биотехнологии, изучающей изнашиваемость биоматериала, изменения идентичности тел. Человек перестал быть человеком, чтобы перейти в иное состояние — трансплантата, киборга, андроида. Опирируя с помощью образов дестабилизации тела как трудно поддающегося определению гибрида, эти операции — временами вызывающие смещение — раскрывают современного субъекта в его радикальной инаковости, на грани того, что он больше не является самим собой, что он уже лишен себя, без возможной близости, полностью обнаженный в обществе зрелищ, обращенном к формам внешнего.

Таким образом, размышление о теле — герменевтический ключ к пониманию «постчеловеческого», «постгуманистического», что, в свою очередь, приводит нас к различным философским, художественным, научным и технологическим позициям, в которых пытаются возобладать экономические интересы, имеющие отношение к новой отрасли генной инженерии и связанным с ней биотехнологическим практикам. Злоупотребление репрезентацией тела в рекламе, искусстве, прессе, социальных сетях и фильмах усиливает наше беспокойство по поводу человеческого тела, которое, как мы знаем, постоянно перестраивается и изменяется, расчленяется. Организм теряет свою репрезентативную способность к недифференцированному взаимодействию с новыми механизмами и новыми (психотропными) веществами, превращаясь в биолого-химический гибрид, уступая место возможности думать о раздробленном теле, где «чтойность» или очередной «изм» (человек есть то-то и то-то) лишает нас доступа к избыточности и неисчерпаемости «чего-то еще» [5, с. 58–59]. Множественность предъятий в показе, тотальное гостеприимство высказываний в опыте — вот мир Нанси. Позиция индифферентного отношения к онтологическим различиям делает Нанси постгуманистическим философом, который *мыслит на пределе*. Тело и есть этот предел.

Для Делёза и Гваттари доступ к телу без органов невозможен, оно является пределом. Однако оно уже выглядит из него, находится в движении: разрушенные органы в ипохондрическом теле; органы, подвергшиеся воздействию внешних энергий в параноидальном теле; активная внутренняя борьба, ведущаяся против органов и заканчивающаяся кататонией в шизофреническом теле. Таким образом, мы можем визуализировать его проективно, ползая

всё еще наощупь, как слепой, или бегая, как сумасшедший, пустынный путешественник или степной кочевник. В нём мы спим, бодрствуем, сражаемся, побеждаем и нас побеждают, мы ищем свое место, познаём наши самые неслыханные блаженства и наши самые невероятные падения, мы проникаем и в нас проникают, мы любим. Тело без органов — это набор практик, направленных на то, чтобы избавиться от тела. Тело без органов может быть заполнено только интенсивностью боли [6, p. 156–158].

Истинность субъекта — это его внешняя сторона и его чрезмерность: его бесконечное воздействие, тело, вывернутое наизнанку. Из этого вытекает ятрофилософия: нет болезней или, если хотите, у нас нет болезней, а есть больные. «Я — болезнь и лекарство, я — раковая клетка и пересаженный орган, я — иммунодепрессанты и их паллиативные средства, я — крючки из стальной проволоки, удерживающие мою грудину, и я — это место для инъекции, постоянно вшитое под ключицу, точно так же, как это уже было, с другой стороны, эти гвозди на бедре и эта пластина в паху» [7] (перевод наш. — А. Ж.).

«Корпус» излагает концепцию тела, противоречащую платоновской концепции тела, где последнее рассматривается как темница или вместилище души. Идея и образ резервуара уступают место метафоре органической деконструкции — в данном случае текста, посредством которого Нанси не хочет писать о теле или о нём, а хочет выписывать его. Писать (выписывать) тело — значит делать на нём надписи, прикасаться к нему и лепить его мыслью, развивать соматографию, чтобы само тело было читаемо. Это попытка общаться с телом, не обозначая его, изображать текст, следуя формам плоти. Правильное выписывание тела находится на границе, отделяющей мысль от тела, где язык только *касается* его невыразимой инаковости. «Тело и таким способом бытует на границе, на пределе: оно приходит к нам из дальнего далека, горизонт — это его подступающая множественность. Писать: касаться крайнего предела. Как тогда коснуться тела, именно коснуться, а не наделять его значением или что-то с его помощью обозначать? Появляется соблазн ответить сразу: это или невозможно, ибо тело противится записи, или речь идет о том, чтобы подражать телу прямо на поверхности письма либо слить тело непосредственно с письмом (танцевать, кровотоцитить...). Очевидно, что ответы эти неизбежны — хотя и поспешны, недостаточны, условны: оба они, по сути своей, стремятся прямо или косвенно означить тело в качестве отсутствия или присутствия» [2, с. 31].

Тело — это предел, это та нейтральная зона, в которой известное переходит в другое по отношению к себе. Это та разделительная линия, откуда язык касается неопишемого и из которой мысль может мимолетной интуицией коснуться тела, оставив его таким, каково оно есть, чистой инаковостью.

С другой стороны, можно указать вслед за Нанси, что бытие чувств, т. е. тела, вывернутого наизнанку, было бы не чем иным, как сущностью самого понятия «смысла», направленностью тела к недостижимому другому. Следовательно, смысл никогда не может быть завершен или закрыт сам по себе и вопрос о смысле жизни, существа или бытия должен

быть вписан в жесткую телесность и в отношение без отношения. Философский вопрос о смысле был бы жестом приближения к непреодолимому, чрезмерному расстоянию, свидетельствующему о том же разделении, которое он пытается преодолеть и при котором пытается отдать дань прикосновениям другого тела. Вот почему, возможно, Нанси в «Забвении философии» объясняет, что повелитель означающего с его последовательным синтезом интеллигибельного и чувственного, действовавшим на протяжении всей истории Запада, пришел к своему исчерпанию; сегодня смысл ставит сам себя на грань бессмысленного смысла [8].

В «Корпусе» опыт смысла и свободы описывается вместе с телом, или, скорее, можно было бы сказать, что тело — это свобода, возникающая и описываемая до тех пор, пока она отдается тому, что/кто распространяет ее природу извне. В поиске новой мысли о свободе свобода должна уважаться до такой степени, что ее смысл или действие были бы отделены от любой идеи (поскольку идея является образцом неизменной сущности — линия Платона), и это, возможно, даст начало философии тела и бытия как коммуникации.

Здесь возникает идея тела как идея места раскрытия бытия, места экзистенции. Место — это открытое, неопределенное пространство, ацефальное, афаллическое и аструктурное, получающее собственную структуру благодаря мысли, которая каждый раз мыслит себя. Характерная черта тела заключается в том, что оно является внешним, не мыслимым, не мыслящим, это инаковость, которая отягощает мысль и заставляет ее соизмерять вокруг себя собственное движение, потому что за его пределами нет ничего. Точно так же, как кожа, которая покрывает нас, есть порог, на котором происходит наше воздействие на внешний мир, в котором соединяются и пересекаются в контактах различные «эстетики». Тело — это бытие здесь и сейчас, это проявление существования, поверхность. Каждая область тела сама по себе имеет ценность как место проявления бытия без каких-либо внешних тел. Тело — это конечное проявление существования, которое само становится доказательством. Если для Декарта истина мысли является единственно ясной и отчетливой, то для Нанси единственная истина — чувственное доказательство здесь и сейчас данного тела, данной материи без иерархий, в каждом из своих мест. То есть тело предстает как корпус, собрание (собрание): «*Corpus*: тело-корпус есть собрание частей, кусков, членов, зон, состояний, функций. Головы, руки, хрящи, жжения, услады, брызги, сон, пищеварение, мурашки, возбуждение, дыхание, переваривание, воспроизводство, поправление, слюна, синовия, вывихи, судороги и родинки. Это всем собраниям собрание, *corpus corporum*, чье единство остается под вопросом для него самого. Даже под видом тела без органов у него всё равно сотня органов, из которых каждый тянет на себя и расстраивает целое, каковому никогда уже не достичь тотальности» [9, с. 131–132].

Познание тела с его же помощью никогда не может быть полным и абсолютным, но может быть модальным и фрагментарным, и форма дискурса, которая лучше всего несет в себе такое знание, представляет собой некую картографию, совокупность зон тела, которая предлага-

ет набор равносильных подходов, показывая всё, что возможно для нашего исследования без каких-либо привилегий или предубеждений. Важность дискурса Нанси связана, пожалуй, с тем, что он не дает ее почувствовать. Это человек, внимательный ко всему другому, или, если воспользоваться его же словарем, внимательный к множественным сингулярностям, которые нас окружают, когда деление на «высокое» и «низкое» перестает иметь какой-либо смысл. Фрагментация, приостановка и прерывание становятся важными характеристиками «Корпуса», потому что каждая его часть имеет одинаковую ценность и является местом доступа к присутствию тела и, следовательно, бытию. «Возможно, «онтологическое тело» должно мыслить только там, где мысль *касается* стойкой чужеродности этого *тела*, его немыслящего и немыслимого внешнего. Только такое касание, такое прикосновение есть условие настоящего мышления» [2, с. 41].

Тем не менее Нанси считает, что мы одновременно имеем доступ к телу и не имеем, мы скорее *касаемся* его. Касание чужеродности наиболее ощутимо при встрече с тяжелыми или смертельными болезнями. Смерть, как ее описывает Жан-Люк Нанси, — это пожиратель, который показывает свою худшую сторону в том пушистом звере, которого мы называем раком: например, лимфоме, о которой мы никогда не подозревали, кроме ее возможного проявления, указанного во вкладыше к циклоспору [7]. Это злоумышленник, вторжение которого вызвано снижением иммунитета или экспансивным безумием какой-либо клетки. Рак — искаженное лицо злоумышленника. Мы чуждаемся самих себя в том смысле, что отчуждаем себя, и это независимо от экзогенной или эндогенной природы раковых явлений.

Лечение этой болезни, как известно, требует насильственного вторжения: инвазивную химиотерапию и лучевую терапию. В то время как лимфома разъедает организм и истощает его, лечение воздействует на него и делает его слабым. Даже морфий, который успокаивает боль, вызывает другие страдания — одурманивание и растерянность.

Более сложное лечение называется «аутотрансплантацией» (или трансплантацией стволовых клеток). После возобновления выработки лимфоцитов с помощью «факторов роста» в течение пяти дней подряд уничтожаются лейкоциты, их замораживают. Затем пациента помещают в стерильную камеру на три недели, где ему проводят сильную химиотерапию, подавляющую выработку костного мозга, прежде чем активировать его с помощью повторной имплантации замороженных стволовых клеток. Снижение иммунитета достигает экстремальных уровней и приводит к сильной лихорадке, микозам, серийным нарушениям, прежде чем выработка лимфоцитов восстановится. В «Злоумышленнике», этом редком, чисто автобиографическом исследовании, Жан-Люк Нанси рассказывает и анализирует свою операцию по пересадке сердца. Помимо предсказуемых вопросов о технике и ее отношениях с человеком, Нанси не только позволяет себе широко использовать речь от первого лица, но и не избегает банальных форм: «Сердце, которое бьется наполовину, это только наполовину мое сердце» [7], — пишет он однажды. Из этого приключения он выходит дезориентированным. Нанси

больше не узнаёт себя, да и «узнавать»-то теперь бессмысленно. Он становится простым колебанием, приостановкой чуждости среди плохо идентифицированных состояний, болей; бессилием, упадком сил. Отношения с самим собой становятся проблемой, трудностью или помутнением: они даются через зло или страх, больше нет ничего непосредственного, а посредничество уже утомляет. Пустая идентичность «Я» больше не может основываться на его простой адекватности идентичности, когда говорится: «Я страдаю» подразумеваются две «яйности», чуждых друг другу (но которые тем не менее соприкасаются). В этом расщепленном «Я страдаю» одно «Я» отвергает другое [7].

«Я» заканчиваюсь/заканчивается тем, что являюсь/есть не чем иным, как тонкой нитью от боли к боли и от чуждости к чуждости. Достигается привыкание к ежедневному приему лекарств и контролю в больнице, добавляются стоматологические последствия лучевой терапии, а также потеря слюны, контроль за приемом пищи и контроль за контактами с инфекциями, ослабление мышц и почек, снижение памяти и работоспособности, чтение анализов, коварные рецидивы мукозита, кандидоза или полиневрита. Это общее ощущение того, что меня больше нельзя отделить от сети измерений, наблюдений, химических, институциональных, символических связей. Они теперь уже составляют основу повседневной жизни, а с другой стороны, напротив, постоянно и явно предупреждают жизнь о своем присутствии и своей бдительности. Я теперь неотделимо от полиморфной диссоциации.

Заключение (Conclusion)

По обыкновению на каждый «ответ» у философии всегда есть вопрос: что происходит в диссоциированном опыте трансплантации? Все знаки могут колебаться, все точки отсчета могут меняться местами, без рефлексии и даже без идентификации какого-либо действия или какой-либо перестановки. «Кто есть Я?» — это именно тот вопрос, старый вопрос: что представляет собой тот субъект высказывания, всегда чуждый субъекту своего высказывания, по отношению к которому он неизбежно является злоумышленником, и всё же наша сила в этом другом «Я», которое получило сердце, чужое сердце.

Менее 40 лет назад трансплантации не проводились, и, прежде всего, не применялся циклоспорин, который защищает от отторжения пересаженного органа. Через 20 лет наверняка будут практиковаться другие трансплантации и иными способами. Происходит нечто среднее между личным непредвиденным обстоятельством и непредвиденным обстоятельством в истории техники. Раньше мы уже были бы мертвы; позже мы были бы, наоборот, выжившими. Но всегда это «Я» оказывается тесно заключенным в нише возможностей техники. Вот почему тщетны споры между теми, кто утверждает, что подобный опыт — это метафизическое приключение, и теми, кто рассматривает его как технический подвиг: это, безусловно, и то и другое, одно внутри другого.

Экстремальный телесный опыт Жана-Люка Нанси еще раз указывает на идею новой субъективности, «новой

плоти», в которой «Я» растворяется в «Мы», что делает вопрос о сущности человека анахронизмом. Поэтому единственно возможным дискурсом становится любой дискурс, где кроме «я есть что-то» существует «еще что-то». В этом беспредпосылочном и беспричинном избытке Нанси и видит суть человеческого. Таким образом, Нанси сталкивает нас с контрдискурсом, который опрокидывает бинарные оппози-

ции и призывает в этом к *щедрости* [10]. Речь идет о *щедрости* различных измерений тела, и большое тело здесь не исключение. Может показаться, что парадоксальность Нанси — очередная ловушка или тупик мысли, однако в его деконструкции речь идет о деконструкции иллюзии общности, о «сообществе без сообщества», без мифа, ностальгии, без слияния с героем, вождем, Идеей.

Библиографический список

1. Хабермас Ю. Будущее человеческой природы / пер. с нем. М. Л. Хорьковой. М. : Весь Мир, 2002. 144 с.
2. Нанси Ж.-Л. *Corpus* / пер. с фр. Е. П. Петровской и Е. Гальцевой. М. : Ad Marginem, 1999. 255 с.
3. Aksenchuk R. "La Muñeca" (La Poupée); simulacro y anatomía del deseo en Hans Bellmer // *Observaciones Filosóficas*. 2007. No. 4. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2194184> (дата обращения: 10.08.2022).
4. Брухер Р. Картинки из клиники. Искусство и безумие Эгона Шиле и Гюнтера Бруса / пер. с англ. О. Нетупской // *Искусство*. 2019. № 1 (608). С. 58–71.
5. Ростова Н. Н. Антигуманизм: преодоление гуманизма или его новая версия? // *Вестн. Том. гос. ун-та*. 2021. № 463. С. 55–62. DOI: 10.17223/15617793/463/7
6. Deleuze G., Guattari F. *MIL MESETAS. Capitalismo y esquizofrenia*. Valencia : Pre-Textos, 2004. 524 p.
7. Nancy J.-L. *El Intruso* / traducción Margarita Martínez. Buenos Aires : Amorrortu, 2006. 56 p.
8. Nancy J.-L. *El olvido de la filosofía*. Madrid : Arena Libros, 2003. 111 p.
9. Нанси Ж.-Л. Тело: вовне или внутри. Пятьдесят восемь показаний о теле / пер. с фр. А. Гараджи // *Синий диван*. 2006. № 9. С. 122–138.
10. Рогозинский Ж. Прощание с Жан-Люком Нанси // *Философский журнал*. 2022. Т. 15, № 2. С. 189–194. DOI: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-189-194

References

- Aksenchuk R. (2007) "La Muñeca" (La Poupée); simulacro y anatomía del deseo en Hans Bellmer, *Observaciones Filosóficas*, no. 4. Available at: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=2194184> (accessed: 10.08.2022). (in Spanish)
- Brukher R. (2019) Kartinki iz kliniki. Iskusstvo i bezumie Egon Shile i Gyuntera Brusa [Pictures From the Clinic. The Art and Madness of Egon Schiele and Günter Brus]*, *Iskusstvo [Art]**, no. 1 (608), pp. 58–71. (in Russian)
- Deleuze G., Guattari F. (2004) *MIL MESETAS. Capitalismo y esquizofrenia*. Valencia, Pre-Textos Publ., 524 p. (in Spanish)
- Habermas J. (2002) *[Die Zukunft der menschlichen Natur]*. Moscow, Ves' Mir Publ., 144 p. (in Russian)
- Nancy J.-L. (1999) *Corpus*. Moscow, Ad Marginem Publ., 255 p. (in Russian)
- Nancy J.-L. (2003) *El olvido de la filosofía*. Madrid, Arena Libros Publ., 111 p. (in Spanish)
- Nancy J.-L. (2006) *El Intruso*, traducción Margarita Martínez. Buenos Aires, Amorrortu Publ., 56 p. (in Spanish)
- Nancy J.-L. (2006) Telo: вовне ili vnutri. Pyat' desyat vosem' pokazanii o tele [Body: Outside or Inside. Fifty-Eight Testimonies About the Body]*, *Sinii divan [Blue Sofa]**, no. 9, pp. 122–138. (in Russian)
- Rogozinskii Zh. (2022) Proshchanie s Zhan-Lyukom Nansi [Farewell to Jean-Luc Nancy], *Filosofskii zhurnal [Philosophy Journal]*, vol. 15, no. 2, pp. 189–194, doi: 10.21146/2072-0726-2022-15-2-189-194 (in Russian)
- Rostova N. N. (2021) Antigumanizm: preodolenie gumanizma ili ego novaya versiya? [Antihumanism: Overcoming Humanism or a New Version of It?], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, no. 463, pp. 55–62, doi: 10.17223/15617793/463/7 (in Russian)

* Перевод названий источников выполнен автором статьи / Translated by the author of the article.